ВИКТОРИЯ РОЖКОВА
ПЛОХОЕ СЛОВО

Виктория Рожкова

Плохое слово (сборник)

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3748325

Аннотация

Это истории о нас с вами, наших детях и родителях. Истории о порванных фотографиях и неожиданных деньгах, о счастье взрослых и детских слезах, о ласковых словах и гневных криках.

Содержание

Страна чародеев 4
Синее море 14
Листочек в клеточку 34
Милые бранятся… 53
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Виктория Рожкова
Плохое слово

Страна чародеев

Сенечка был очень впечатлительным мальчиком, к тому же, он просто обожал сказки. Ему казалось, что мама – это на самом деле Русалочка. Потому что иногда ночью мама начинала стонать, и Сенечка был уверен – её ножки превращаются в хвост и маме больно. В такие минуты Сенечке становилось очень страшно, но ещё больше он боялся увидеть огромный рыбий хвост вместо маминых ног. Поэтому Сенечка накрывал голову подушкой, и пытался уснуть. А Сенечкин папа иногда превращался в Голого Короля. Потому что начинал ходить по квартире абсолютно голым, и совершенно не стеснялся. Сенечка был уверен – папа думает, что одет. Говорить родителям про Голого Короля и Русалочку Сенечка не спешил. Вернее, не хотел. Потому что однажды был наказан за то, что поцеловал свою домашнюю лягушку и рассказал об этом маме.

«Ты что – с ума сошёл?!» – закричала тогда мама.

«Я думал, что она превратится в принцессу» – оправдывался мальчик.

«Да в какую принцессу?! Это же сказки, в которые дети в

твоём возрасте не верят!» – продолжала ругаться мама.

Сенечке было 5 лет. И он верил в сказки. А неудачу с лягушкой Мусей объяснил просто – надо целовать тех, которые обитают на болоте. Муся же слишком «одомашнена» – и чарам не поддаётся.

Если не принимать во внимание Сенечкину «сказочную» душу – в остальном он был обыкновенным ребёнком. Ходил в детский сад, ел кашу и учил стихи вместе с ребятами из группы. Воспитатели на Сенечку не жаловались – наоборот, всегда упоминали о его довольно спокойном характере и повышенной чувствительности ко всему происходящему. Из садика Сенечку забирали либо мама, либо папа. Иногда мама покупала сыну жвачку в ближайшем магазине, и Сенечка с трепетом разворачивал обёртку – что за сюрпризы ждут внутри? Дома Сенечка уходил играть в свою комнату, потому что мама готовила ужин, а папа рассказывал ей о чём-то взрослом и непонятном. Сенечка не требовал внимания – как некоторые его сверстники. В своём уголке Сенечка уносился в сказочный мир, полный удивительных приключений. Иногда ему помогала большая и белая кошка Фрося. Фрося начинала тереться о мальчика и урчать. А Сенечка думал о том, что когда вырастет – обязательно начнёт понимать кошачий язык и тогда они с Фросей смогут нормально общаться.

Потом мама звала Сенечку ужинать. Папа спрашивал про детсадовские дела, а Сенечка вопросительно смотрел на ма-

му. Нет, и сегодня не будет сказки. Потому что не только история с лягушкой оставила след в маминой душе. Однажды она вышла в магазин, и забыла взять ключи. Сенечка остался один. Но когда мама вернулась – он не спешил открывать ей дверь. Мама переминалась с ноги на ногу, выслушивая «задверные» предположения сына о том, что «возможно, медведь перековал ей горло, и мама – не мама, а злобный волк». В конце концов, когда мама была уже на грани истерики – Сенечка её впустил. Но с того момента мама перестала забывать ключи и читать сказки. Одно утешение осталось у Сенечки – бабушка. К ней Сенечка ездил каждые выходные – тратя по два часа на дорогу – зато получал порцию сказок в полном объёме. Ещё бабушке всегда казалось, что родители плохо кормят внука. Поэтому каждое утро Сенечку ждали блины или сырники, на обед всевозможные супы с котлетами-картошками и обязательным киселём. А на ужин бабушка тоже что-нибудь придумывала. И весь день говорила с Сенечкой на различные темы – он даже иногда уставал от такого внимания. Но всегда с нетерпением ждал вечера. Бабушка доставала какие-то потёртые книжки, и Сенечка окунался в волшебный мир сказок.

Возвращаться к родителям – Голому Королю и Русалочке Сеня тоже любил. Потому что родители всегда встречали его весело и лишний раз напоминали о том, как соскучились. «Что вы делали с бабушкой?» – спрашивала мама. И Сенечка рассказывал обо всём, кроме одного – как бабуля читала

сказки. Потому что тогда бы мама нахмурилась, и пошла бы звонить бабушке. А эти разговоры были не очень весёлыми.

На Новый год Сенечку отвезли к бабушке. Целый день бабушка стояла у плиты и готовила разные вкусности. Но Сенечка нашёл в шкафу кулёк со сладостями, и потихонечку таскал оттуда по конфетке. Бабушка периодически пыталась накормить внука салатом «оливье» или «селёдкой под шубой». А Сенечка отказывался. К вечеру бабушка решила, что Сенечка заболел. Но обнаруженный полупустой пакет с конфетами развеял все тревожные мысли, и у бабушки отлегло от сердца.

Потом пришли соседки – такие же старенькие, как и бабушка. Они всё время ели и что-то пили – отчего щёки их стали красными, а баба Маруся даже попыталась спеть песенку. От её голоса у Сенечки поползли мурашки по коже, и бабушка, заметив испуганный вид внука – попросила соседку с песнями «повременить».

Сенечка стоически дождался салюта – ради чего, собственно, и не ложился спать. Бабушка одела внука, и они вышли на балкон – смотреть на разноцветные огоньки, взрывающиеся в небе. После салюта Сенечка отправился в постель. Не успел он погоревать о несостоявшихся сказках – как тут же уснул.

Утром Сенечку ждал подарок под ёлкой. Бабушка сказала, что ночью приходил Дед Мороз. Сенечке стало ужасно обид-

но, что он уснул – так и не увидев дядьку в красном халате и с белой бородой. Но бабуля успокоила внука, и они устроили незапланированный сеанс сказок. Сенечка узнал про Санта – Клауса и красивых оленей.

Следующие несколько дней Сенечка с бабушкой ели «оливье», жареную курицу, винегрет и, по-прежнему читали сказки. Много сказок.

А потом мальчик вернулся домой. Здесь его тоже ждали подарки и любящие родители.

– Сенечка, сынок, нам с папой нужно быстро съездить по делам. Ты посидишь один? – спросила мама, красиво одеваясь.

– Конечно. А когда вы придёте? – Мама показала на часах – где будет маленькая стрелка и большая – вот тогда они и вернутся.

– Давай мультик тебе включим! – предложил папа.

Сенечка пожал плечами, но папа уже выбирал кассеты.

На экране замелькали знакомые герои – Сенечка смотрел этот мультик раз десять. Мама с папой расцеловали мальчика, предупредили о том, чтобы он никому не открывал дверь, сказали, что будут звонить по телефону и ушли.

Сенечка остался один. Плюс кошка Фрося. И лягушка Муся. Ему совершенно не было страшно, потому что он верил в чудеса и в то, что на злые силы – всегда найдутся добрые. И добро победит.

Через некоторое время зазвонил телефон.

– Сенечка, солнышко, у тебя всё нормально? – спросила мама.

– Конечно, – успокоил сын, отстранённо глядя в телевизор.

– Скоро приедем – не скучай! – Сенечка положил трубку. И в этот же момент в дверь позвонили.

Мальчик осторожно подошёл к двери и громко спросил:

– Кто там?

– Открывай ворота́! Ведь на улице мороз! Сейчас будет лепота! Ведь пришёл – Дед Мороз! – послышался густой бас.

Сенечка даже подпрыгнул. Ну конечно – Дед Мороз! Он узнал о том, как Сенечка расстроился, и нашёл время навестить его!

Сенечка уверенно защёлкал замками и открыл дверь. Прямо на него смотрел настоящий Дед Мороз. У Сенечки даже дух захватило от восторга!

– А где родители? – прогремел дедушка.

– Они по делам уехали! – затараторил мальчик. – Дома я, Фрося и Муся!

– Кто такая Фрося? Кто такая Муся? – поинтересовался Дед Мороз.

– Фрося – это кошка! Белая! Я тебе покажу, дедушка! А Муся – лягушка – она в аквариуме живёт!

– Ясно… – сказал Дед Мороз и зашёл в квартиру. – И как

тебя зовут, мальчик?

Сенечка растерялся:

– А разве ты не знаешь?..

– Конечно, знаю! – перебил владыка. – Но я должен проверить – тот ли ты мальчик, к которому я должен был прийти?

– Сенечка… Ой, Семён! – представился мальчик.

– Правду говоришь – точно Семён! Читать умеешь?

– Нет… Но я знаю буквы «А», «М»…

– Ясно, – снова перебил дедушка и на несколько секунд задумался. Но, как будто что-то вспомнив, залез в карман необъятного халата и достал красивый яркий листочек. И протянул его Сенечке со словами:

– Ты знаешь, что это такое?

Сенечка повертел в руках глянцевую бумажку и расстроено пробормотал:

– Нет…

– Это, Семён, приглашение в Страну чародеев. Так сказать, на постоянное место жительство. Ты готов переехать в страну, в которой по улицам ходят волшебники, собаки разговаривают человеческими голосами, а дыни превращаются в кареты?

– В страну чародеев? – Сенечка не мог поверить своему счастью. – А что я должен сделать?

– Только согласиться! – пробасил Дед Мороз.

– Согласен! Согласен! Согласен! – мальчик радостно за-

прыгал на одном месте.

– Тогда будем собираться! Тебе же захочется слушать музыку в Стране чародеев? Смотреть телевизор? Всё, чем ты пользуешься сейчас – понадобиться тебе и в стране чародеев. Я сейчас упрощу тебе задачу – всё соберу, а потом вернусь за тобой.

– А за мамой? – испугался Сенечка.

– И за мамой тоже! Не будешь же ты один жить в волшебной стране!

В мгновение ока в квартире появилась ещё парочка странных дядек – помощников, как объяснил Дедушка Мороз. Сенечка бегал по квартире и показывал – где что лежит. Он понимал, что ничего не должен забыть. И мамины серёжки с колечками Деду Морозу тоже отдал. А как же мама обойдётся в Стране чародеев без украшений? Дед Мороз и его молчаливые помощники управились быстро. Закрывая за ними дверь – Сенечка неожиданно кое-что вспомнил, и с криком «Подождите!» побежал в комнату. Через минуту он уже тащил, вернее волок половину Фроськиного тела по паркету.

– Фросю возьмите! А мы с мамой Мусю заберём – она лёгкая!

Дед Мороз нетерпеливо перебил:

– Семён, кошку и лягушку возьмём потом. Пока! – и Дед Мороз исчез – как будто растаял.

Сенечка закрыл дверь. Вот это чудеса! А мама не вери-

ла…

Через некоторое время Сенечка услышал звук поворачиваемого ключа в двери. Он радостно выбежал в прихожую, и, не давая родителям опомниться, заверещал:

– Мы приглашены в Страну чародеев! За нами приедет Дед Мороз!

– Сеня, ты здоров? – только и спросила мама, снимая сапоги.

Но Сенечка стал махать перед мамой глянцевой бумажкой – как неопровержимым доказательством. Мама взяла листочек в руки и нахмурилась:

– Агентство недвижимости предлагает элитные квартиры… Сеня, это что такое?!

– Это приглашение в Страну чародеев! – очередной раз попытался объяснить сын непонятливой маме.

Папа разделся и прошёл в комнату. Следом послышался сдавленный звук и плохое слово. Мама бросилась следом.

– Сеня, что случилось?! Где телевизор?! Музыкальный центр?! Компьютер?! – закричала мама.

Папа в это время просто упал в кресло, обхватив голову руками.

– Мамочка, Дед Мороз забрал, чтобы нам легче было переезжать в Страну чародеев!

Мама села на пол и вдруг расплакалась. Сеня растерялся.

– Мамочка, ты мне не веришь?.. Он дал мне шоколадку… Я не съел – если хочешь – забери… – Сенечка протянул ма-

ме немного растопленную в детской горячей ладошке шоколадку.

Мама машинально взяла подарок Деда Мороза, и вдруг обняла Сенечку – крепко-крепко.

– Господи, слава Богу – ты живой!!! – сын не совсем понял – почему она так сказала, но мама вдруг начала смеяться.

Она плакала и смеялась. А Сенечка, вырвавшись из объятий – бегал вокруг мамы и, размахивая приглашением в Страну чародеев, весело кричал:

– Ну, вот видишь? А ты не верила! Волшебство существует!

– Существует… – повторяла мама, и снова начинала смеяться.

Следом за ней вторил Сенечка, а вот уже и папа издаёт странные звуки, похожие на смех. Сенечка очень любил, когда у мамы и папы хорошее настроение! Но больше всего он радовался Стране чародеев – стране, где Муся сможет разговаривать человеческим голосом, а мама перестанет мучиться из-за своего рыбьего хвоста. Ведь там всё по-другому.

Синее море

«Здравствуй, любимое радио!..

Так получилось, что поделиться своим счастьем мне больше не с кем – только с тобой, обожаемая моя радиостанция… Ты – молчаливый мой собеседник. Молчаливый – потому что я не жду ответа. Но говорить буду много – уж не обижайтесь на меня…

Я хочу рассказать о своём любимом человеке. Знаете, что происходит, когда мечты сбываются? Человек становится очень сильным. Настолько сильным, что начинает с легкостью перепрыгивать через какие-то жизненные проблемы. Шёл человек, думал о своём счастье, и вдруг на пути преграда. Человек улыбнулся и подпрыгнул. Подпрыгнул намного выше – чем в той, прошлой жизни без мечты. Ведь он теперь сильный. А главные силы мы черпаем, конечно же, от любви…»

Артём Сухорецкий оторвался от письма и взглянул на конверт. Всё верно – помимо адреса радиостанции необходимая приписка «Концерт по заявкам». Ну, загнула девчонка! Но это письмо настолько выделялось из обычных музыкальных просьб, и судьба в лице ди-джея Артёма Сухорецкого не отбросила конверт к собратьям.

«В книгах пишут о любви с первого взгляда. Лично мне это чувство незнакомо. Я не понимаю – как можно влюбиться в человека – всего лишь увидев его глаза. Это уже потом – и глаза, и губы и всё остальное приобретают особое значение. А сначала – человек, как человек. Может, просто с первых минут возникает симпатия. И хочется сказать что-то умное. Или смешное. И ножку поставить как-то по-особому. И мысленно поругать себя за дурацкую майку – ведь столько красивых вещей в шкафу, а именно сегодня ты надела именно эту майку!

А, возможно, всё дело в воздухе. Горячий воздух вдруг сменяет прохладный ветерок с моря. И возникает ощущения непередаваемой нежности. Будто кто-то заботливый, желая на несколько секунд укрыть от жары осторожно подул в лицо. Ты вытираешь пот с лица и замираешь – обласканная этим морским порывом.

Как пахнет море? Оно пахнет всем на свете. Водорослями, рыбой, сладкой ватой – которой торгуют тут же, на пляже. Море пахнет любовью – потому что именно здесь люди забывают о своих заботах и отдаются во власть нахлынувших чувств. Море превращает мышиный цвет волос в яркие белые пряди, а серые глаза делает синими. Синее море – как в сказках…

Может быть, я бы и не обратила внимание на этого человека. Может быть… Но разве можно не обратить внимание на незнакомца, который неожиданно предлагает по-

пробовать персики? Несколько секунд колебаний, и вот уже сладкая струйка бежит по подбородку. Боже, как неудобно! Вытираешь сок тыльной стороной ладони – наверное, я даже покраснела, но разве этого не скроет загар? Однако, молча есть персики как-то неудобно. Хвалю это южное чудо и тут же рассказываю о себе. Рассказываю, потому что он просит. И в его глазах не праздное любопытство, а настоящий интерес…

Наверное, вы уже немножко устали от моего рассказа. Извините за излишнюю романтику. Я с удовольствием напишу продолжение, но мне очень не хотелось бы быть навязчивой. Более того, пишу я всё-таки в концерт по заявкам. Давайте договоримся так (извините, не обращаюсь по имени, т. к. не знаю – в чью смену попадёт письмо) – мне бы очень хотелось услышать песенку Sting «Fragile» просто так – без приветов и имён. Если я вас не очень утомила, то пойму это – услышав песню. А если не услышу – то ни в коем случае не обижусь! Спасибо».

И подпись «Александра Королькова». Артём задумчиво повертел исписанные листочки. Не первый год работы на радио – и такие сюрпризы. Сухорецкий больше привык к коротким слезливым запискам с кучей грамматических ошибок. Он бросил взгляд на компьютер – до начала концерта по заявкам 6 минут. Что ж, можно подышать никотином с товарищами.

В курилке крутилось всего два человека – музыкальный редактор Сева Ухов и менеджер по рекламе Илья Маслов.

– Сигаретки не найдётся? – весело спросил Сева и выдохнул целое облако никотина в сторону рекламного отдела.

Артём полез за сигаретами, но тут же понял неуместность данного движения.

– А тебе зачем? Ты ведь уже куришь!

Сева радостно расхохотался:

– Да проверить хотел – носишь ты до сих пор сигареты или нет. Блин, первый раз такой прикол вижу – человек уже четыре месяца не курит, а полную пачку с собой таскает!

– Он уже сто раз объяснял – развивает в себе волю к победе, – буркнул Илья, пытаясь затушить сигарету и морщась от едкого дыма.

– Одно дело – не иметь возможности закурить, и совсем другое – проверять себя, так сказать, на вшивость, – подхватил Сухорецкий.

– Молоток! – крякнул Сева. – Судя по всему – мы все должны тобой гордиться!

– Вы должны мной гордиться в независимости от моих поступков. Потому что я – нечто! – парировал Артём.

– Нечто особенное – ага… – ехидно заметил редактор.

– Да, кстати, по поводу «особенного» – я только что такое письмо прочитал…

– Опять тебе в любви признаются? – перебил Сева.

– Не мне…

– Стареешь! – снова хохотнул Сева, и, затушив сигарету, направился в сторону своего кабинета.

Артём рассеяно почесал затылок и посмотрел на часы – ух ты, концерт начнется через две минуты!

Расставив в плей-листе необходимые музыкальные перебивки (где их Алёна весело напевала «Радио «Мечта» – самые нужные слова в концерте по заявкам»), Артем ещё раз проверил все песни, которые должны были прозвучать в этом часе.

При входе в эфирную студию загорелось табло «On Air»:

– И снова добрый вечер, замечательные наши, славные и самые музыкальные! Концерт по заявкам начинается прямо сейчас – кто-то из вас устроился рядом с приемником, поглощая ужин – вам, кстати, отдельно «Приятного аппетита»! А кто-то в легком нервном возбуждении, потому как не знает – прозвучит сегодня его песенка с массой приветов или нет. Друзья мои, надеюсь, никто не будет обижен! Но, довольно слов, как говорится, и больше дела! Открыть сегодняшний концерт по заявкам мне хотелось бы большим приветом для очень интересной девушки – Саши Корольковой! Саша, я не буду рассказывать – о чём ваше письмо, но меня оно просто потрясло! Удачи вам, Сашенька, и до новых письменных встреч – ну, вы меня понимаете! Восхитительный и просто потрясающий Sting с композицией «Fragile» –

специально для Саши Корольковой!

Первые аккорды хита всех времён и народов уже звучали в эфире.

Артём выключил микрофон и откинулся на спинку кресла.

«Огромнейшее Вам спасибо! Я переживала, что Вы покрутите пальцем у виска – прочитав моё первое письмо, а Вы сказали так много нужных слов для меня… Спасибо ещё раз, Артём…

Мы говорили о море. Вернее, я говорила, а вы терпеливо слушали. Мы говорили о персиках и настоящем интересе в глазах. А еще мы говорили о любви с первого взгляда. Кстати, вы верите в неё? Я – нет, но, по-моему, я уже писала об этом.

Персики, вопросы, запах синего моря, раскалённый песок под ногами и шёпот. Нет, я не сошла с ума! Но я точно знаю, что в эти минуты ветер с моря что-то нашептывал мне на ушко. Что-то хорошее, потому что мне было немножко щекотно.

Можно, я не буду писать Его имени? Это всё неважно – имена и фамилии. Важно другое – мне всё время хотелось улыбаться. А тут еще этот шёпот…

Мы гуляли по пляжу. По-моему, кричали дети. Взрослые постоянно перебегали нам дорогу – то с надувными кругами, то с пустыми руками. Они бегали и ругались. И смеялись

тоже. И просто молча шлепали по горячему песку – задумчивые такие. Но во всём этом я не уверена – были и были. Или я просто это придумала. Потому что Он спрашивал меня обо всём на свете, а я перебивала и тоже задавала вопросы. Почему я так невоспитанно себя вела? Голос… У Него был такой голос…

Нет, я не смогу описать. Просто было неважно – рассказывает Он о своей учёбе или о том, как маленьким воровал яблоки в соседском саду. Нужно было, чтобы Он говорил… А ему, по-моему, хотелось обратного – слушать меня. Вот такой конфликт интересов (я сейчас смеюсь, но вы этого не видите).

Мы не брались за руки, не позволяли себе ничего такого. Только шли и разговаривали.

Знаете, что происходит, когда мечты сбываются? Об осколок от бутылки я порезала ступню. Господи, такая мелочь! И мне совсем-совсем не было больно! Но Он бегал вокруг меня с глазами, похожими на море во время шторма. А потом носил в ладонях морскую воду – чтобы смыть кровь. Носил и носил – проливая почти всё по пути. Я сидела на раскалённом песке и тихонько ковыряла ранку. Нет, вы не подумайте – будто я садистка какая-нибудь! Но эти испуганные глаза, эти ладони с морской водой… Да, я мечтала, чтобы это не заканчивалось.

А потом Он понёс меня на руках – я же не могла наступать пораненной ногой на грязный песок. Вот уж не знаю –

какие чувства во мне преобладали… По-моему, я всю дорогу переживала, что Ему тяжело. Не наслаждалась моментом, не испытывала триумфа, а переживала. Хотя, девушка я достаточно хрупкая. Но на всякий случай…

Ну вот – не успеешь себя остановить – как целая поэма получается. Извините, если что не так. Наша прежняя договоренность сохраняется – просто не ставьте песенку. А если всё в порядке – я с удовольствием послушаю того же Sting – только песня другая – «Shapeofmyheart». Еще раз большое спасибо. С уважением, Королькова Саша».

Артём дочитал письмо и задумался. Затем взял чистый лист бумаги и фломастером написал «Письма от Корольковой Саши оставляйте, пожалуйста, мне – в эфире не используйте. Сухорецкий».

– Эта песня проникает в самое сердце и располагается там на долгие годы. Её невозможно слушать один раз – проходит время и сердце снова и снова требует тех же ощущений. Sting «Shape of my heart» для удивительной девушки – Александры Корольковой!

Табличка «On Air» перед входом в студию погасла. В эфирку тут же ворвалась Алёна:

– Артём, шеф меня убьёт!!! Остался всего месяц, а мы только половину придумали!

Сухорецкий тут же развернулся к коллеге:

– Ну что за паника? Месяц – срок довольно приличный.

Можно не только день рождения радиостанции организовать, но и праздничную программу для президента России!

– Дурак ты! – разозлилась Алёна. – Всё шутишь, а мы тут в мыле все! Жалко, что ты не вошел в наш «веселый праздничный» состав. Мозги уже набекрень – этого не забудь пригласить, того вообще ни в коем случае. С одним коллективом договорились, чтобы они танцевали, а эти паразиты вдруг на гастроли решили свалить. Теперь думай – кем заткнуть!

Выдав гору информации, Алёна устало присела на краешек стола и тут заметила записку Артёма.

– Что это за Саша Королькова?

– Девочка одна. Письма обалденные пишет,-

– Тебе что ли? – усмехнулась Алёна.

– Да не то, чтобы мне. Но когда их читаю – аж душа разворачивается…

– Только душа? – не удержалась Алёна.

– Да ну вас на фиг! – разозлился Артём. – Я тебе о светлом и чистом, а у тебя одно на уме!

– А о чём мне еще думать? Ты же у нас парень видный! Ладно, не обижайся. Давай, ты мне конкурс для дня рождения придумаешь, а я буду вместе с тобой восхищаться этой Сашей – как её там?

– Хочешь почитать? – воодушевился Сухорецкий.

Алёна взяла в руки письмо, лениво пробежала глазами несколько строчек, тут же – вспомнив о чём-то – забегала по эфирной студии.

Когда она ушла – Артём заметил письмо на столе. Не читала. Сухорецкий вложил листочки в конверт и убрал письмо в свою сумку.

«Здравствуйте, Артём! Теперь я обращаюсь именно к Вам – сердце подсказывает, что моё письмо снова в Ваших руках.

Не знаю, какие эмоции у Вас вызывают мои «поэмы», но Ваши приветы в эфире поднимают настроение на какой-то сложно объяснимый уровень. Спасибо Вам…

У человека обязательно должна быть мечта. Мечта, в которую он должен верить. Верить в то, что у него будет собственный дом – даже если на данный момент нет никаких перспектив. Верить в работу, которая принесёт ему не только профессионализм, достойную зарплату, но и удовольствие. Верить в детей, которые обязательно родятся – даже если врачи говорят обратное. Верить в любимого человека, который где-то рядом или далеко, но вы непременно встретитесь. Мечта – это вера. У Вас, Артём, есть такая вера во что-то?

Я всегда знала, что будет именно так. Синее море и Он. Может быть, я очень сильно этого хотела? Это не важно. Ничто не важно – только чувства, которые я испытывала – глядя в его глаза. Ой, как-то по-книжному получается. В стиле Даниэлы Стил. Но как же еще словами – к тому же на бумаге, объяснить своё состояние?

Я летала, парила – я была отдельно от своего тела. И мысли – откуда их так много? – перебивали друг друга. Кругом люди – много людей. А я выше всей этой суеты. Выше надувных кругов и зверюшек. Выше родителей, которые пытаются выманить своих чад из теплого моря. Даже выше всех влюбленных, а их на пляже было немало. Нет, я не превратилась в чайку (опять смеюсь, но вы этого не видите – уж больно чайки пронзительно кричат – больше на детский плач похоже). Плакать мне не хотелось – даже от счастья. Но, довольно лирики. Он принес меня в пансионат – в котором мы остановились. И разговоры на этом не закончились. Мы пили чай – пока уже не стали слишком часто посещать общественное место (а как вы хотели – глупо как-то только разговаривать – вот и чай, как палочка-выручалочка для всех влюбленных). Ой – я написала «влюбленных». С другой стороны – я ведь уже несколько часов смотрела на Него, а значит – это всё равно не любовь с первого взгляда? Вы согласны со мной?

Тот вечер, конечно же, закончился расставанием. Но я знала, что увижу Его завтра. И увидела… Но об этом – в следующем письме. Честно говоря, очень устала рука.

Если Вас, Артём, не затруднит – поставьте, пожалуйста Sting «Riseandfall». Большое спасибо. С уважением, Ваша Саша. Королькова».

– Артём, ты в курсе, что твоя речь в завершающем бло-

ке? – пробегая мимо, поинтересовалась Алёна.

– Сказали уже. Знаю. Алён, а когда мы вызываем на сцену самых выдающихся радиослушателей? До или после выступления мэра?

Алёна выразительно посмотрела на записку, которую когда-то прикрепил Артём «Письма от Корольковой Саши оставляйте, пожалуйста, мне – в эфире не используйте. Сухорецкий» и сказала:

– Можешь уже снять писульку – все в курсе. И никто письма от твоей драгоценной Саши Корольковой читать в эфире не собирается. А что касается времени выхода радиослушателей – об этом я тебе, дорогой мой, сообщу персонально!

Артём показал Алёне язык.

– Во-во – до чего человека письма довели! Деградирует! Кстати, со всех ведущих требуют список этих выдающихся радиослушателей. У тебя, кроме Корольковой, имеется хоть кто-то? – в тоне Алёны не просто сквозил, а трубил во все колокола сарказм.

– Ты, конечно, удивишься, но я тебе отвечу «Да!», – парировал Сухорецкий.

– Тогда список мне на стол. И не затягивай!

Последнюю неделю радиостанция «Мечта» стояла в буквальном смысле на ушах. Пятилетие радио – событие, достойное не только поздравлений в газетах, на телевидении, но и настоящего праздника в центре города.

К мероприятию подходили ответственно – даже парочку артистов из Первопрестольной пригласили. Естественно, конкурсы, подарки, громкие речи от высокопоставленных личностей и дискотека. Теперь уже и Сухорецкий – со всеми остальными, закрутился в маховике под названием «Нам 5 лет!»

«Здравствуйте, Артём! С первых строк хочу не только Вас поблагодарить, но и пожелать самых чудесных мыслей, открытий и свершений.

У Вас было когда-нибудь такое – когда Вы начинаете говорить, а человек тут же продолжает вашу мысль? И создаётся впечатление, будто вы не просто банально одинаково думаете, а, как бы это сказать… как будто вы на одной волне? Как будто ваши мысли – это мысли другого человека, а его – ваши? И всё у вас на двоих. Наверное, такие ощущения у близнецов.

Скорее всего, у Вас сложилось впечатление – будто мы только и делали, что разговаривали. Этого, конечно, хватало. Но мы же не останавливаемся? Каждый новый день несёт с собой не только имеющееся прошлое, но и настоящее, а вместе с ним – желания из будущего.

Если я напишу, что растворялась в нём – это будет жестокий и затёртый плагиат. Я была Им. Я была его клеточкой, его словами, его поступками. Я ныряла в него и мне всегда хватало воздуха – я готова была оставаться там

вечно. Помните, что происходит, когда мечты сбываются? Человек становится очень сильным. Так происходило и со мной. Я спала несколько часов в сутки – но высыпалась. Я ела очень редко и мало, но я была сыта. Ничто кругом меня не обижало – ни люди, ни их действия. Мы всегда старались быть как бы отдельно от всех – я, Он и море. Мы разговаривали с морем и самое интересное – у нас всегда сходилось то, что говорила нам ласковая вода. Там же, у моря, Он первый раз меня поцеловал. Мы так долго сидели у воды, что Его поцелуй был солёным. В нём был вкус моря, сладкой ваты, растопленного сахара и … и всего остального прекрасного…

Может быть, мы были птицами? Не людьми – у которых проблемы перемешиваются с радостью и снова оборачиваются проблемами. Ведь летала не только я – мы делали это оба. А под нами шепталось море и … плакали чайки…

Ну вот, опять «заболтала». Артём, я знаю, что заранее не поздравляют, но вдруг не успею это сделать во время праздника? Вашей радиостанции я желаю только процветания, а лично Вам – мечты, которая обязательно сбудется. Спасибо за всё. Вкусы мои Вы знаете – это по-прежнему Sting. Мне было бы очень приятно, если бы Вы поставили что-нибудь на свой вкус. С уважением, Королькова Саша».

Музыка из огромных колонок ревела на всю площадь. Тысячи человек – кто пританцовывая, а кто не двигаясь, кто с мороженным, а кто-то и с бутылкой пива наблюдали за всем,

что происходило на сцене.

– Нам 5 лет!!! – кричали ведущие, и толпа ревела в унисон.

– Мы любим вас!!! – продолжали разогревать ди-джеи, и кто-то из народа в хмельном запале начинал рвать майки на груди.

Один танцевальный коллектив сменял другой. Мэр города, поминутно вытирая пот со лба, долго и нудно рассказывал о том, какая же замечательная радиостанция – эта «Мечта». Юные музыкальные дарование голосили в микрофон – пытаясь прочувствовать весь кайф от большой сцены, а не маленького закутка в Доме Культуры. Подарки от серьезных спонсоров раздавались с бешеной скоростью. Милицейский кордон едва сдерживал натиск желающих прорваться на сцену и расцеловать любимого ди-джея (как случилось с одним далеко не трезвым поклонником – бедная ведущая Маша чуть в обморок не упала – благо защитники в форме подоспели).

– Нам 5 лет! – в очередной раз, но всё также торжественно объявила Алёна. – Всякое было за эти годы – приятные сюрпризы от радиослушателей и обиды. Нам передавали приветы и нас же иной раз проклинали. Вы росли с нами, ходили в школу, на работу. Вы танцевали с нами и просто слушали. Плакали и смеялись. Вы были с нами. Сейчас я говорю обо всех, но некоторых наших радиослушателей хотелось бы выделить – уж не в обиду остальным.

Я приглашаю на эту сцену людей, которым хотели бы пожать руки или поцеловать в щечку (Алёна кокетливо улыбнулась) – абсолютно все ведущие нашей радиостанции. И не только поцеловать, но и вручить дипломы «Самому заслуженному радиослушателю»!

Толпа возбужденно зааплодировала.

– Я приглашаю на эту сцену… – продолжила Алёна. – Прохорова Евгения! Митяеву Ольгу, Соловец Ксению, Андрейченко Владимира…

Этот список продолжался и продолжался. Отделяясь из толпы, люди (кто смущенно, а кто горделивой походкой) поднимались по ступенькам – к раскрасневшейся Алёне.

– Королькову Александру, Ким Виталия, Сотейникову Юлю…

Заслуженные радиослушатели уже составляли внушительный косяк. Бок о бок стояли Прохоров Евгений, Митяева Ольга, Соловец Ксения, Андрейченко Владимир, Ким Виталий, Сотейникова Юля и другие. Саша Королькова на сцену не вышла. Напрасно Артём Сухорецкий пытался найти девушку, которую никогда не видел. Саши Корольковой среди заслуженных радиослушателей не было. Пожаты руки, расцелованы щёки, вручены дипломы. Сцена пустеет, но праздник не закончен. Включается цветомузыка, колонки издают оглушительный «чих» и начинается дискотека.

Конечно же, Артём был расстроен. И Сева не забыл подколоть, и Алёна не прошла мимо с ехидным замечанием. С

другой стороны – не хочет человек знакомства, пребывая в своём мире. Ну и ладно!

Сухорецкий позволил себе немного расслабиться – хлебнул пива из Севиной бутылки, обсудил удавшиеся и неудавшиеся моменты. Народ лихо отплясывал, а сотрудники радиостанции разбрелись по углам – уж очень все устали за сегодняшний день.

– Артём… – услышал Сухорецкий за спиной и обернулся.

На него смотрела девочка с роскошными волосами. И в инвалидной коляске. Подъехать ближе она не могла – мешали ступеньки. Артем подошел к поклоннице.

– Здравствуйте, – сказала девочка или девушка. На вид – лет 14 или 18 – совершенно непонятно. Маленькая, худенькая и с роскошными волосами.

Сухорецкий улыбнулся:

– Здравствуйте, – и тут же потянулся в карман за ручкой – этой девочке надо оставить какой-нибудь душевный автограф.

– Я Саша Королькова, – спокойно сказала девочка и посмотрела Артёму в глаза.

– Да… – пробормотал уставший Сухорецкий, и тут же почувствовал, как в голове как будто прострелило.

– Саша?! – он понимал, что на выражение ужаса на собственном лице просто не имеет права, но сделать ничего не мог.

Саша совершенно спокойно улыбнулась:

– Да – это я. И приехала сюда для того, чтобы попросить прощения… – на последних словах улыбка исчезла.

– Прощения?.. – Сухорецкий чувствовал, что впадает в какое-то непонятное состояние – ни одной мысли в голове.

– Я хочу поблагодарить вас за всё и попросить прощения за письма. Всё, что там написано – неправда…

Артём молчал – воображение отказывало ему.

– У меня саркома. Рак кости. Это продолжается не один год. Через два дня мы улетаем в Москву на операцию. Думаю – мне ампутирую ногу. Родители, конечно же, об этом не говорят. Но я не такая маленькая, чтобы не догадываться… – Саша поправила непослушную прядь и единственная мысль достучалась до Сухорецкого «Это же парик. Вот почему он так странно смотрится».

– Я прошу у вас прощения за эту выдуманную историю. Просто мне она очень помогла выдержать этот … этот… – Саша запнулась. – Да, впрочем, и неважно. Когда я вам писала – я верила в это по настоящему, – девочка снова улыбнулась, но столько тоски было в этой улыбке!

– Синее море… – вышел из ступора Сухорецкий.

– Я никогда не была на море… Но вы же помните про мечту, в которую нужно обязательно верить? – Саша говорила достаточно рассудительно, но Артём нашел в себе силы только кивнуть головой.

– Я верю. И всё будет…

– Но как же… столько подробностей… мысли… – выдавил из себя, наконец, Артём.

– Есть же книги. Есть телевизор. И фантазия имеется, – Саша снова улыбнулась.

Сухорецкий сглотнул. Невыносимо болела голова, и хотелось присесть – куда-нибудь – хоть на асфальт.

Девочка не стала больше мучить Артёма. Уверенно взялась за рычажок на коляске.

– Артём, еще раз – огромное вам спасибо. Вы очень меня поддержали. Вы вряд ли заметили, а я будто общалась с вами. Спрашивала и получала ответы. Удивительное чувство. Очень прошу – не обижайтесь за этот … обман. Честное слово – никакого умысла. Простите…

Саша Королькова аккуратно развернула коляску.

– Всего хорошего! – обернулась на секунду и … поехала.

Артём едва выговорил:

– Тебе… всего хорошего… – достал сигарету и прикурил.

Сквозь дым виднелись очертания уезжающей коляски. Легкий ветерок что-то шепнул. Артём вздрогнул и оглянулся. Никого. Только скрип стареньких колёс – он то и выдал себя за шёпот ветра. Артём почувствовал, что сигарета обожгла пальцы. Недоуменно взглянул на неё, отшвырнул в сторону и полез за новой. Страшно хотелось подумать и даже проанализировать, но мысли разбегались. Разбегались и прятались все мысли – кроме одной.

У человека обязательно должна быть мечта. Мечта – это вера…

Листочек в клеточку

Михаил Петрович поздоровался с соседкой и нажал кнопку вызова лифта. В ответ – глухое молчание и неповиновение. Он попробовал ещё раз – бесполезно.

Так не работает! – весело отозвалась соседка, уже закрывая дверь в подъезд. Михаил Петрович смачно матюгнулся и отправился пешком на 7 этаж. Дорога домой заняла минут пятнадцать. На каждом этаже Михаил Петрович останавливался и переводил дух, не забывая сыпать проклятия в адрес ЖЭКа. Уже третий день за неделю лифт перестаёт подавать признаки жизни, а ремонтную бригаду приходиться ждать по нескольку часов.

– Сволочи проклятые! – ругался Михаил Петрович.

– Чё случилось, Петрович? – упитанный сосед Гриша решил вынести мусор.

– Да лифт опять не работает! За что деньги платим?! Я старый больной человек – в следующий раз могу просто не дойти до своей квартиры. И никому до этого нет дела!

Опрокидывая ведро в мусоропровод, Гриша печально заметил:

– Это же Россия, Петрович. Чем меньше старых и больных – тем веселее правительству. Может, неработающие лифты – это программа по изживанию пенсионеров? А?

– Да пошли все!.. – пробубнил Михаил Петрович.

В этом доме Михаил Петрович прожил всю жизнь. Сначала с родителями, затем привёл жену – но через пару лет выгнал. Умерли родители, поменялся мир. А квартира как была – так и осталась. В последнее время вид у неё был, мягко говоря, запущенный. Обои отваливались везде, где только можно. Текли краны, скрипел паркет. И не то, чтобы руки не доходили до ремонта – просто не попадался необходимый материал. Несколько лет назад Михаил Петрович увидел небрежно сваленные смесители возле мусорного контейнера. Видимо, делали дорогой ремонт в квартире, и старые смесители выбросили на помойку. Не пропадать же добру! С помощью этой находки Михаил Петрович поменял все краны в своей «двушке». А ещё некоторое время назад соседи хотели избавиться от купленных когда-то давно обоев (жуткий дефицит, который так и не пригодился). Таким образом, Михаил Петрович привел в очень даже приличный вид большую комнату и прихожую. К сожалению, время не стоит на месте. Таких ухарей, как Михаил Петрович, хватало по всей стране. Не успевал он «к раздаче». И возраст не тот – почти 70 лет. Хотя многие старики в свои 60 были ещё «ого-го»! Кто-то, но не Михаил Петрович. Сердце болело, давление выделывало непонятные пируэты.

Ни нагнуться толком – схватывала поясница. А в последнее время начались проблемы с ногой. Михаил Петрович исправно ходил в местную поликлинику. Но таких, как он, там

не любили. В регистратуре, не спрашивая имени, брезгливо подавали медицинскую карту. Вместо нормального разговора – врач стремительно выписывал рецепт, особо не вдаваясь в подробности. А разве он, Михаил Петрович, виноват в том, что поговорить ему не с кем? Разве он виноват в своих болячках, которые вылезают, словно грибы после дождя? Может быть, сложилась бы жизнь иначе – и нянчил бы сейчас внуков, даже не вспоминая о том, что где-то болит. Но, увы, не дал Бог детей.

Михаил Петрович направился на кухню. Из крана тоненькой струйкой вытекала вода, оставляя проложенный ржавый след. Попробовал закрутить – бесполезно. Махнул рукой и занялся хлебницей. Вернее тем, что в ней осталось. Полбатона белого хлеба – чёрствого и заплесневелого. Михаил Петрович любовно разложил хлеб на доске, и разрезал на маленькие кусочки. Аккуратно разложил на противне и поставил в духовку. Через несколько минут будут сухарики. Но сухарики – это не еда, а легкое дополнение к чаю. Михаил Петрович взял кастрюлю и направился к мешку с гречкой. По дороге споткнулся о мешок с сахаром. В общей сложности таких замечательных мешков в доме было немало. Любил Михаил Петрович делать оптовые закупки – в целях экономии. Потом можно было на протяжении года или двух не беспокоиться о наличии риса, гороха, макарон. С мясом было сложнее – его на несколько лет вперёд не закупишь. Но и

здесь Михаил Петрович нашёл выход. Когда душа требовала мяса – он отправлялся на рынок и искал самые дешёвые собачьи наборы. Мяса может и не очень много, но бульон получался неплохой. А если раскошелиться и добавить бульонный кубик «Магги» – праздник живота обеспечен. Когда-то давно Михаил Петрович работал на заводе и зарабатывал неплохие деньги. Даже ездил в командировки. Но та жизнь давно осталась в другом мире.

Мир, который вдруг повернулся к пожилым людям самым отвратительным своим местом. Не было больше пионеров, с искренним азартом собирающих металлолом и макулатуру, а так же лихо уступающих места в транспорте бабушкам и дедушкам. Не было больше поздравительных открыток с завода. Пенсия, обеспечивающая старость неожиданно трансформировалась в жалкую подачку. Всё изменилось так неожиданно и бесповоротно, что Михаил Петрович до сих пор не мог разобраться – во что верить. Раньше все верили в светлое будущее. А сегодня, просматривая выпуски новостей и политические программы – Михаил Петрович сомневался. Сомневался в словах, которые с экрана пытались достучаться до его сознания – слишком громкими они были при условии, что ничего не менялось. Сомневался в людях, которые их произносили – слишком ухоженный и лощёный вид у них был.

Звонок в дверь заставил Михаила Петровича оторваться

от перебирания гречки.

– Петрович, поделись солью, – на пороге стояла соседка по лестничной площадке – Раиса Филлиповна.

– Ты знаешь, что солью делиться к ссоре? – предупредил Михаил Петрович.

– Знаю, только нам с тобой делить нечего. А лифт не работает – я бы уже давно сама сходила, – не растерялась соседка.

Михаил Петрович взял стаканчик и ушёл на кухню. Соль у него хранилась в огромной банке. Насыпал немного в стакан. А вдруг мало? Досыпал ещё немножко. Показалось – много. Немножко отсыпал обратно в банку. Вернулся к соседке.

– Как напи́сал! – не удержалась Раиса Филлиповна.

– А тебе чего – огурцы солить? – огрызнулся Михаил Петрович, не любивший намёков на его жадность.

С самого утра Михаил Петрович затеял стирку. Перед этим два часа провозился со стиральной машинкой «Золушка». Да, умели придумывать названия в прежние времена! «Золушка» из миловидной девочки превратилась в полуржавую старуху, век которой, судя по всему, был сочтён. И разбирал её Михаил Петрович, и стучал по ней, и даже пытался поговорить. Бессмысленно. «Золушка» умерла. Пришлось, Михаилу Петровичу, кряхтя и постанывая замачивать бельё в тазиках – перед этим натерев хозяйственное мыло на тёрке. Нет ничего лучше хозяйственного мыла – считал Михаил

Петрович. А вся эта реклама стиральных порошков – обычное выманивание денег у народа.

Уже днём, передохнув после мучительной стирки, Михаил Петрович отправился в магазин за хлебом. Лифт работал, Гриша снова выносил мусорное ведро (они там что – из-за стола не вылезают что ли?!). По инерции проверил почтовый ящик. Вместо бесплатной газеты или квитанции об оплате очередных коммунальных услуг – в ящике белел конверт. Михаил Петрович растерялся. Поздравление с завода? Но нет праздников. А может, рекламная акция каких-нибудь прохиндеев? Михаил Петрович осторожно достал письмо. На конверте – неуверенный почерк. Обратный адрес – город Ростов. Ростов! Масса приятных воспоминаний заполнила Михаила Петровича – в этот город он ездил в командировку. Какие там люди! Какие рестораны!

Затея с хлебом была отложена на неопределённый срок. Сжимая в руках письмо, Михаил Петрович вернулся домой. Нацепил очки – обмотанные изолентой и кое-как держащиеся на носу. Вскрыл конверт.

«Здравствуй, Миша!

Наверное, ты сейчас пытаешься понять – от кого это письмо. Помнишь Любу Дворцову? Это я. Уже не Дворцова – да это неважно. Мужа моего давно нет в живых…»

На этом моменте Михаил Петрович на несколько секунд

отложил письмо в сторону. Конечно же он помнил Любу Дворцову! Весёлая девушка – хохотушка и заводила. Из-за неё чуть не была сорвана командировка. Все ночи подряд они с Любой гуляли и даже признавались друг другу в любви. А днём Михаил Петрович (тогда ещё Миша) ничего не понимал из того, что ему говорили коллеги. Единственная мысль стучала в голове – спать. Уезжая из Ростова, он вроде бы оставлял Любе свой адрес. Или нет? По крайней мере, она никогда ему не писала. Да и женился он через год на другой. Михаил Петрович снова поднёс листочек к глазам.

«Очень надеюсь, что ты не переехал. Иначе нет смысла в этом письме. Миша, я очень больна. Врачи не говорят ничего хорошего. Они вообще ничего не говорят, но чувствую себя с каждым днём всё хуже и хуже…»

Михаил Петрович снова отвлёкся и попытался представить Любу Дворцову спустя 40 лет. Не получалось. Она написала, что мужа её нет в живых, а сама умирает. Может, любила его, Михаила Петровича всю жизнь и теперь хочет попрощаться? Михаил Петрович тут же представил – сколько сейчас стоят билеты в Ростов. Наверное, не дешево. А он больше не работает – так что завод поездку не оплатит.

«Когда ты уехал – я хотела написать тебе письмо. У тебя тоже был мой адрес и даже телефон. Но ты пропал. И

я подумала, что мы тебе не нужны. Я и твой сын Миша…»

Михаил Петрович отбросил письмо, словно белый листок в клеточку обжег ему пальцы. Какой сын Миша?! Неужели после всех признаний в любви (сейчас ему было неловко вспоминать о том, что еще происходило помимо признаний) – у Любы родился мальчик, о котором она ему не сообщила? Разве может такое быть? Ведь женщины – существа хитрые и настырные. Их самое любимое слово – алименты.

Михаил Петрович достал из кармана рубашки пузырёк с «нитроглицерином». Сунул под язык. Подождал, пока успокоится разбушевавшееся сердце.

«39 лет назад у тебя родился сын, которого я назвала в твою честь. Жили мы не очень хорошо, но я узнала, что ты женился. И побоялась просить о помощи. А вскоре и сама вышла замуж: за хорошего человека. Николай стал Мише вторым отцом, но он умер. А скоро умру и я. Никого у Миши нет. Никого, кроме тебя. С самого детства я не скрывала при каких обстоятельствах он родился. Поэтому Миша знает – кто его настоящий отец. Мне бы очень хотелось, чтобы вы познакомились. Если у тебя семья, дети – Миша всё равно не помешает. Он взрослый мужчина – добрый и хороший. Но мне очень бы хотелось знать, что он не останется один. Если это письмо тебя нашло, и ты согласен познакомиться со своим сыном – позвони мне, пожалуйста…»

Ниже был написан телефон. Михаил Петрович снова полез за «нитроглицерином». Узнать в 70 лет о том, что у тебя есть сын… Михаил Петрович пока не мог разобраться в чувствах, которые испытывал. Покосился на старенький телефон – как бы не пришлось вызывать «Скорую помощь». Самое лучшее успокоительное средство – заняться домашними делами. Михаил Петрович отправился перебирать рис – на будущее. И думать… Думать о том – как изменилась его жизнь после этого листочка в клеточку. Но изменилась ли?

Уже поздно вечером Михаил Петрович вспомнил, что так и не купил хлеба. Зато риса перебрал почти весь мешок. Но всё никак не мог решиться – звонить Любе или нет. Весть о взрослом сыне заставляла сердце Михаила Петровича сбиваться с нормального ритма. И, казалось бы – нет ничего плохого в этой неожиданной новости. Но Михаил Петрович никому не верил. Столько лет жили без него – и вдруг он понадобился! Может, с жильём проблемы? Или рассчитывают на какое-нибудь богатство? При этой мысли Михаил Петрович нахмурил густые брови. На его сберкнижке лежало около восьмидесяти тысяч рублей. Сумма не маленькая, но каждая копейка была пропитана потом и отказом от более достойной жизни. Зачем ремонт в квартире – если в ней никто, кроме Михаила Петровича не живёт? Зачем тратить деньги на колбасу, если это временное удовольствие потом смывается в известном месте?

Долго думал Михаил Петрович. Взвешивал все «за» и «против», тянулся к телефону и отдёргивал руку. Наконец, поняв, что терять ему в принципе, нечего, Михаил Петрович набрал номер, указанный в письме. Через несколько гудков, в трубке послышался тихий голос:

– Алло…

Михаил Петрович откашлялся:

– Люба?..

В трубке замолчали, но уже через секунду тот же голос воскликнул:

– Миша!

Ну, вот и поговорили. О чём спрашивать?

– Миша, ты получил письмо… – Люба говорила с некоторым трудом. – Я расстроила тебя? В твоей семье какие-нибудь проблемы?

– У меня нет семьи, – Михаил Петрович хотел ответить просто, но получилось с некоторой горделивой ноткой.

Люба замолчала.

– И детей тоже нет, – эту фразу Михаил Петрович выпалил неожиданно, как будто бы из принципа.

– У тебя есть Миша, – возразила Люба. – Можно он к тебе приедет?

– Надолго? – вырвалось у Михаила Петровича.

Люба вздохнула:

– Да нет – на пару-тройку дней. Познакомитесь, а потом он вернётся домой. Ты не волнуйся, у нас 3-комнатная квар-

тира, – Михаилу Петровичу стало очень неудобно. И вопросы он не те задаёт, и вообще, ведёт себя, как трусливый мальчишка. С другой стороны – этот мир жесток. Чего можно ожидать в следующую минуту – предположить не мог никто.

– Когда Миша возьмёт билеты – я перезвоню, – сказала Люба. Разговор закончен. Михаил Петрович испытал странное чувство – он не один. Но тут же одёрнул себя. Никто не знает – что может из этого получиться. Достал пузырек с «нитроглицерином», перевёл дыхание и направился к тайнику.

В тайнике у Михаила Петровича хранилась шкатулка с драгоценностями. Когда он выгнал из дома эту шалаву – его жену, то драгоценности забрать с собой не разрешил. Несколько массивных перстней, три золотых цепочки, изумительной красоты брошь, которая досталась ему от мамы. Михаил Петрович долго разглядывал украшения, протёр их бархатной тряпочкой. Затем пересчитал деньги, которые тоже лежали в тайнике. Пять тысяч рублей. Надо завтра отнести их в сберкассу. Чем меньше соблазна – тем лучше. Наконец закрыл дверцу импровизированного сейфа и прикрыл ковром, который висел на стене. Отошёл на пару метров – пригляделся. Успокоил себя мыслью о том, что догадаться о тайнике практически невозможно. А если сыночек не так прост, каким его описывает мать? Михаил Петрович запустил руку в седую шевелюру. Что ж, найти тайник можно – если сильно захотеть. Но вот открыть его вряд ли получится.

Михаил Петрович взглянул на ключ. И его осенило!

Сын приехал через неделю. Так сильно Михаил Петрович не волновался уже много лет. Ходил из угла в угол, поглядывая на ароматно пахнущие кастрюльки на плите. Сын всё-таки! Михаил Петрович решил на этот раз отказаться от собачьего набора, а купил настоящий кусок мяса, из которого наделал котлет. Салат из огурцов и помидоров гордо красовался посередине стола.

Звонок в дверь. На пороге стоял Михаил Петрович. Только молодой. Такой же, каким он был 40 лет назад. Сомнения в родной крови тут же отпали, но неловкость не могла исчезнуть просто так.

– Здравствуй… отец, – сказал Миша, застыв в дверном проёме.

– Здравствуй…, – Михаил Петрович замялся. Слово «сын» было для него новым и пока непривычным.

Церемонии позади. Миша прошёл на кухню с двумя огромными сумками. Когда он начал выкладывать содержимое на стол – Михаил Петрович растерялся. Тут тебе и колбаса трех видов, курица замороженная, копчённая, какие-то банки с черными бусинами, нарезки, мясо в упаковке. Под конец Миша достал бутылку водки. Смущенно улыбнулся:

– Взрослые вроде. Выпьем за встречу?

Конечно, Михаил Петрович не отказался. Но про себя решил разузнать – не страдает ли сынок алкоголизмом.

Пир начался в достаточно напряжённой обстановке. Но уже через некоторое время алкоголь растопил суровые мужские сердца. Миша рассказывал о своём детстве, показывал привезённые из Ростова фотографии. Спать отправились уже далеко за полночь. Михаил Петрович не мог не признать – сын ему понравился. Но при всей к нему симпатии – спал Михаил Петрович беспокойно. Любой лишний звук заставлял его напрягаться и вслушиваться. Бог его знает – что у парня на уме. Колбасой задобрил, а во сне горло перережет. Только под утро Михаил Петрович смог немного успокоиться и нормально заснуть.

– Ну что, отец, Москву покажешь? – не смотря на количество выпитого (Миша бегал ночью в павильон за дополнительной порцией алкоголя) – сын выглядел весьма прилично.

– А чего её показывать? Как была Москва – так и осталась. На Красную площадь тебя что ли отвезти? – Михаил Петрович чувствовал в голове лёгкий туман.

– Хоть на Красную – хоть на Зелёную. Когда ещё в Москве буду? А так и с тобой пообщаемся, и матери будет что рассказать. Она ведь так и не была ни разу в столице, – при мысли, что, скорее всего «и не будет», Миша нахмурился.

Михаил Петрович понял – о чём думает сын. Жалко его стало. Поэтому, не обращая внимания на туман в голове, начал быстро собираться.

Весь день они ездили по Москве. И на Красной площади побывали, и в парке имени Горького. Даже в кафе заходили.

Михаил Петрович почувствовал себя в этом заведении крайне неуютно. Но милая официантка общалась исключительно доброжелательно, а когда Миша расплачивался по счёту – что-то вроде гордости за себя шевельнулось в душе Михаила Петровича. Надо же – жил один, покупал косточки на рынке. А сейчас за него сын платит. Наверное, тысячу рублей отдал. Кошмар!

Домой возвращались уставшие, но довольные. По дороге снова купили бутылку водки, но договорились, что больше одной сегодня пить не будут.

– Миша, а ты вообще – любитель употребить? – поинтересовался Михаил Петрович.

Миша сначала отца не понял, но потом рассмеялся.

– То, что ты имеешь в виду – нет. Сейчас есть повод, а так я работаю с утра до вечера. Некогда мне пить. И неохота. – Отлегло у Михаила Петровича от сердца.

И снова разошлись далеко за полночь. На этот раз Михаил Петрович успел рассказать о своей жизни – Миша просил. Но за водкой больше не ходили – как и договорились.

В эту ночь Михаил Петрович спал спокойнее. Но шальная мысль о том, что всё гладко не бывает – не давала ему покоя. Узнав о существовании сына – Михаил Петрович не сразу бросился названивать его матери. Он думал. А о чём же тогда думает Миша, первый раз увидев отца в 40 лет и спокойно называя его «папа»? Может, не всё так просто?

Новый день Миша решил посвятить рабочим делам. Извинился перед отцом и уехал о чём-то с кем-то договариваться. Михаил Петрович смутно понимал принцип Мишиной работы – нечто, связанное с современными технологиями. Вот если бы Мишу интересовала самая дешёвая картошка в городе…

Михаил Петрович хотел сходить в магазин, но оказалось – незачем. Холодильник забит всем необходимым. Такой роскошной еды он не пробовал никогда. В местный супермаркет не заходил ни разу – зачем душу травить? А иметь представление о деликатесах позволяли фильмы, которые Михаил Петрович смотрел в огромных количествах – делать то больше нечего.

Завтра Миша уезжает. Никаких разговоров о том – кому достанется квартира после смерти отца. Никаких вопросов о накоплениях. Михаил Петрович зачем-то подошёл к тайнику и проверил – закрыт ли. Всё было на своих местах. Зазвонил телефон – явление редкое для Михаила Петровича.

– Алло, пап, это я. Можно я подъеду с другом? Это армейский товарищ – хочу вас познакомить, – Сердце Михаила Петровича упало. Ну вот – началось.

– Приезжайте, – дрогнувшим голосом ответил он сыну и положил трубку. Какой-то друг – армейский якобы, теперь ещё будет что-то здесь вынюхивать. Михаил Петрович положил под язык очередную таблетку «нитроглицерина».

– Это Иван. Знакомьтесь. А это мой отец – Михаил Петро-

вич, – Миша был в хорошем настроении, совершенно не обращая внимания на не очень гостеприимное поведение отца.

А Михаил Петрович насупился – вяло пожал руку армейскому другу сына, и ушел на кухню. Готовить он ничего не стал принципиально. Но Миша не обиделся – нырнул в холодильник, и появился уже с колбасой, сыром и банкой паштета. Постепенно завязался разговор. Михаил Петрович начал высказываться, горячо одобряя или осуждая поступки правительства. Затем речь зашла о войне в Чечне. Михаил Петрович стучал кулаком по столу, все старались друг друга перекричать. Жуткое дело – разговоры о политике. Когда часы показывали одиннадцать вечера – Иван засобирался домой.

– Я тебя почему ещё пригласил? – начал Миша. – Это мой отец – он, как ты видишь, живёт один.

Михаил Петрович насторожился.

– Пожалуйста, позванивай ему и спрашивай – что нужно. Я далеко. А не дай Бог что-нибудь случиться – и помочь некому.

– Да я и так всё понял, – Иван, дурачась, отдал честь.

Уходя записал номер своего телефона на обоях в прихожей – над стареньким телефонным аппаратом.

Долго размышлял Михаил Петрович над словами сына. Получается, что Миша переживает за отца? Странное дело. Увиделись первый раз пару дней назад. И вот уже парень волнуется. А разве такое может быть? Он, Михаил Петрович, ни о ком никогда не заботился. Может, это не забота, а

продуманный план? Только приняв решение сменить замки после отъезда сына – Михаил Петрович смог уснуть.

С самого утра Миша снова куда-то исчез. Сказал – за покупками. Через 4 часа поезд, а он решил по магазинам пробежаться. Михаил Петрович злился. Но не мог понять «почему» – из-за нерасторопности сына или терзала обида за утекающее время, которое можно было бы провести вместе? Наконец в дверь позвонили. За Мишиной спиной маячили два парня с огромной коробкой в руках.

– Пап, я тебе машинку стиральную купил. Твоя ведь не работает, – Добры-молодцы, матерясь, втащили коробку в прихожую. Миша обратил внимание на то, как часто задышал отец.

– Ты что?! – возмутился он. – Не смей так волноваться! Было бы из-за чего! Как я тебя в таком состоянии оставлю?

Михаил Петрович не мог ничего ответить. Кто-то очень сильный сжал сердце и не собирался отпускать.

– Где твои таблетки?! – в Мишином голосе послышался страх.

Михаил Петрович трясущимися руками достал пузырёк. Через несколько минут железная хватка исчезла.

– Пап, я тебе деньги оставлю – чтобы машинку подключили. Чёрт, не успеваю уже. Давай быстренько присядем на дорожку, – Миша сел на тумбочку в прихожей.

Но Михаил Петрович неожиданно сорвался с места и подбежал к мешку с рисом. Видя, как отец что-то судорожно ищет в рисе – Миша испугался.

– Пап, ты чего?

– Миша, помоги мне! Быстро!

Сын подбежал и стал неловко топтаться возле мешка.

– Высыпай его! – скомандовал отец.

– На пол?! – в Мишином голосе был ужас.

– Ну, высыпай же! Я не сошел с ума… – умоляюще закончил фразу Михаил Петрович.

Миша с трудом, но всё-таки опрокинул мешок с рисом. Михаил Петрович начал быстро и смешно перебирать крупу. Неожиданно в его руке оказался ключ от тайника. Не отвлекаясь ни на секунду, Михаил Петрович подбежал к стене, ловким движением отогнул ковёр и вставил ключ в сейф.

– Ну ты, отец, даёшь… – Миша усмехнулся – сообразив что к чему.

А Михаил Петрович, тем временем, достал из сейфа шкатулку. С тоской посмотрел на содержимое, и резко захлопнул.

– Возьми, сынок.

Миша вздрогнул. Но не от вида шкатулки, а услышав первый раз обращение – «сынок».

– Пап, да чего ты выдумываешь? Ещё подумаешь, что я за этим ехал!

Михаил Петрович схватил Мишу за руку и насильно уса-

дил на диван.

– На дорожку, – пояснил.

– Пап… – начал Миша.

– Помолчи, – оборвал Михаил Петрович.

Посидели. Встали.

– Пап… – снова попытался сказать Миша.

Но Михаил Петрович всучил сыну шкатулку и убрал руки. Он начал легонько подталкивать Мишу к двери.

– Пап… – в третий раз попробовал Миша.

– Ничего не говори. Пожалуйста. Езжай с Богом! И… спасибо, что приехал, сынок.

Михаил Петрович буквально вытолкал сына за порог. Закрыл дверь. Достал заветный пузырек. И заплакал – глухо и неумело. Тут же о чем-то вспомнил. Подбежал к окну. Миша уже вышел из подъезда, но, пройдя несколько шагов – обернулся. Нашёл взглядом окно – помахал рукой.

– С Богом, сынок, – одними губами прошептал Михаил Петрович.

Под ногами хрустел рассыпанный рис, но он не обратил на него никакого внимания.

Милые бранятся…

В споре рождается … что-то

– Телевизор!

– Компьютер!

– Телевизор!

– Компьютер!

– Телевизор!!!

– Компьютер!!!

Спор не прекращался последние полчаса. С того момента, как Люда любовно пересчитала деньги – неожиданно вернувшийся долг, о котором уже забыли за давностью лет. Заботливо скрепила купюры резиночкой, и даже вложила бумажку с надписью «15 000». Затем деньги были убраны в комод – место хранения абсолютно всех финансовых поступлений. С того момента судьбу внезапно появившейся суммы определить не получалось.

– Надо купить компьютер! – настаивал муж Гена.

– Какой компьютер?! – возмущалась жена. – У тебя уже есть один!

– Да он старый, как моя жизнь! Еле работает,-

– А для чего он нужен? Ты только о себе думаешь, эгоист! – закипала Люда.

– Сама ты эгоистка! Компьютер мне нужен для работы, и

ты это прекрасно знаешь!

Люда даже задохнулась от такой наглости мужа:

– Какой работы?!! Ты на нём в сто раз чаще играешь, чем работаешь!

– Нечего болтать ерунду! – злился Гена. – Или ты считаешь покупку телевизора нормальным вложением денег?! А смотреть этот телевизор никто, кроме тебя не будет! Потому что там сплошным потоком идут сериалы, и не дай бог, кто-то захочет переключить!

Люда просто взвилась после последних слов мужа:

– Ах, так?! Да я смотрю телевизор после того, как всё сделаю в доме. А ты в доме палец о палец лишний раз не ударишь!

Наступила очередь мужа – брызгать слюной.

– Да что ты делаешь-то? В квартире грязь, будто в свинарнике! Который день полуфабрикатами питаемся. И после этого ты ещё можешь заявлять о своей хозяйственности?! Я, в отличие от тебя…

Но Люда оперативно перебила:

– Ты, в отличие от меня – вообще полный ноль! Другие мужики хоть что-то по дому делают, а ты, как был идиотом – так им и остался! Ничего не умеешь!

– Сама ты идиотка! Шкафчик кто в ванной повесил, а?!

– Ты как выражаешься?! Шкафчик повесил! – Люда театрально развела руками. – Какие молодцы! Может, вам медаль за это вручить?!

– Да пошла ты со своей медалью, дура! Целыми вечерами пялишься в телевизор, как завороженная! И ничего тебя больше не интересует! – Гена схватил платок и вытер вспотевшую от жарких баталий лысину.

– Я тебе дам «дура»! А кто меня должен интересовать?! Ты что ли?! – не сдавалась Люда. – Уставишься в свой компьютер, и делаешь вид, будто работаешь. Толку же от тебя никакого! Нахлебник!

– Я нахлебник?!! – Гена тяжело задышал. – Да я зарабатываю побольше тебя!

– Ну-ну, и половину тратишь на свои диски, придурок!

– На что хочу – на то и трачу! Не на тебя же! Сама слюни роняешь перед телевизором, причёсками восхищаешься, фигурами. А ты в зеркало на себя когда последний раз смотрела? – Гена вышел на тропу запрещённых приёмов.

– Я-то смотрю, и другие на меня смотрят – ещё как! А ты – вообще импотент! – Люда, пунцовая от крика, не задумываясь, отбила удар.

– Что?! – Гена снова схватил платок и несколько секунд жесточайшим образом тёр лысину. Видимо, этот маневр настраивал его на нужный лад.

– Это я импотент?! Да просто у меня на такую корову, как ты – не встаёт!!!

– Да у тебя ни на кого не встаёт! И не встанет, импотент несчастный!

Можно было с самого начала понять – трепыхнёшься па-

ру раз и «приехали»! А я тебя, дура, пожалела двадцать лет назад! И никто на тебя ни тогда, ни сейчас не позарится!

– Да чего ты несёшь?! Какой «пару раз»?! С таким бревном, как ты, и один раз – уже поступок!!!

– Мерзоев, – когда Люда очень злилась – её обращение начинало носить фамильярный характер. – Ты как был козлом – так им и остался! Не зря мне мама всегда говорила «наплачешься ты с ним!».

– Чего?! – возмутился Гена. – Мне твоя мама разве что пятки не целовала, и каждый раз напоминала, что я – тот зять, о котором она и мечтать не смела!

– Это она тебе так говорила, а мне правду!

– Да с такой мегерой, как ты – только слепой и глухой мог ужиться! И мама твоя прекрасно об этом знает!!!

– Ну, уж ты свою ублюдочную натуру скрыть никак не можешь!

– Ты на свою натуру посмотри! А с мамой я разберусь – пускай только попросит картошечку окучить! Я ей окучу – и картошечку, и всё остальное!

– Ты мне маму не тронь! – завизжала Люда. – Просиживаешь штаны целыми днями – теперь уже и слова лишнего не скажи?!

– Да в гробу я видел тебя с твоей сумасшедшей мамой! – огрызнулся Гена и расстегнул воротничок рубашки.

– А я тебя – с твоей! Оглоеды и тунеядцы! Только жрать умеете!

– Это ты о ком говоришь?! Я тебе сейчас устрою «оглоеды и тунеядцы»!!! В отличие от твоих родителей – мои прожили достойную жизнь, и заслуживают нормальной старости!

– Ага – нормальной! Лизоблюды твои родители! Всю жизнь под кого-то подстраивались, а теперь отдохнуть решили?!

– Люда, заткнись по-хорошему!!! – Гена сделал два угрожающих шага вперёд.

– Одно на уме – чего бы ещё сожрать! Чтобы ноги их в моём доме не было! – выкрикнула жена и поспешила скрыться на кухне.

– Аналогично!!! – рявкнул вслед Гена.

Больше в этот вечер супруги друг с другом не разговаривали. Гена невидящим взглядом уставился в компьютер, а Люда пыталась смотреть очередной сериал, но постоянно отвлекалась на воспоминания. Надо же, какая сволочь этот Гена! Корова, говорит. А себя-то в зеркале узнаёт – лысый хер с железными зубами?!

«Импотент, значит» – думал в то же время Гена. А у него там что – заводной механизм? Тем более, как взглянешь на неё – ни один механизм не поможет. А эта старая ведьма – матушка – вот как поёт!

«Наплачешься»! Я их всех рыдать заставлю, сучье племя!

Около двенадцати ночи пришёл сын Егор – невозмутимый и рассудительный парень. Он учился в институте, имел свою, скрытую от посторонних взглядов жизнь. И никогда не доса-

ждал родителям какими-то проблемами или неприятностями – только в случае острой необходимости. Хороший мальчик.

Люда молча разогрела еду, налила сыну чаю.

– Мам, ты чего такая тихая? С отцом что ли поругались? – поинтересовался Егор.

– Отец твой – дебил и дегенерат! – неожиданно ответила мать, яростно размешивая сахар в чае.

– Ух ты! – присвистнул сын. – Куда это вас занесло?

Но Люда взяла себя в руки:

– Пойду я, сынок. Завтра рано вставать.

– Мам… – обернулся Егор.

– Завтра, сынок. Я сегодня устала.

Когда ложились спать, Люда предусмотрительно принесла второе одеяло – после сегодняшних оскорблений у каждого должно было быть своё. А ещё лучше – два дивана. Нет, самый оптимальный вариант – две квартиры. И в разных концах города.

Утром Люда быстро позавтракала, и демонстративно ушла на работу раньше Гены. «Я ему покажу «корову»!

Рабочий день тянулся медленно. В законный перерыв Люда пожертвовала обедом, зато провела время в беготне по магазинам. Какой он – телевизор её мечты? С плоским экраном, яркими цветами и прекрасным звуком! Удивительное дело! Когда у нас нет денег – в магазинах продаётся столько нужных и замечательных вещей! Но как только мы целе-

направленно отправляемся за покупкой – восторг сменяется придирками. Это не такого качества, тут могло бы быть и получше. В итоге, желанная и стремительная вылазка превращается в многочасовое блуждание по торговым точкам.

У Люды в запасе не было столько времени. На «всё про всё» – час. И под конец перерыва она начала заметно нервничать. Как же так? Телевизоров не просто много – их фантастическое количество буквально на каждом углу. Но в очередном экземпляре Люда умудрялась разглядеть или услышать какое-то отклонение от необходимой ей нормы. Практически отчаявшись – Люда вдруг увидела свой телевизор. Это было настоящее произведение искусств! Шикарный во всех смыслах – он не то, чтобы привлекал внимание или вульгарно зазывал. Этот телевизор будто говорил Люде: «А вот и я. Существуем только ты и я».

Люда с трудом дождалась завершения рабочего дня. Отложенный любимец завтра переедет к ней домой – с продавцами женщина договорилась.

Вернувшись домой, первым делом Люда бросилась к комоду. Открыла и … её сердце остановилось. Денег не было. Если бы в этот момент поблизости оказался Гена – Люда убивала бы его молча и с особой жестокостью. Она даже испугалась таких мыслей, но руки продолжали дрожать от ярости. Через полчаса в дверном замке повернулся ключ. И первое, что услышал вошедший Гена, это истеричное:

– Подонок!

– Люда, закрой рот или доведёшь меня до греха,-

– Да я тебя сейчас убью, сволочь! Эгоист! Думаешь только о себе! Как ты смел?! Ненавижу! – для убедительности жена замахнулась, но Гена схватил Люду за руки:

– Ты что, истеричка? Совсем чокнулась? Как твоя мамаша, да?!

– Убью! – кричала распалённая женщина, пытаясь вырваться. – Ты не имел никакого права брать эти деньги!

– Какие деньги?!

Люда замерла.

– В комоде. Ты взял. На компьютер.

– Да не брал я ничего! Истеричка! – Гена грубо отпихнул жену.

Такого поворота Люда не ожидала:

– А кто тогда взял? – тихо, но с убийственной интонацией спросила мужа.

– Кроме Егора – больше некому. Подвинься, – Гена прошёл мимо жены на кухню.

Теперь его трясло от злости, а Люду – от ненависти. Потому что она не верила мужу. Из комода берут деньги на дорогу, еду, прочие мелочи. Но зачем Егору пятнадцать тысяч рублей?!

Сын снял родительскую агонию уже через час. Едва успел раздеться и пройти на кухню – как сразу обратил внимание на какие-то нечеловеческие выражения лиц родных.

– Сынок, ты брал деньги из комода? – ласково спросила

мать, не выпуская из поля зрения мужа.

– Пятнадцать тысяч? Да.

У родителей стали одновременно вытягиваться лица, и Егор даже испугался:

– Вы чего? Разве это были деньги не на институт? Как раз пятнадцать тысяч! Я же вам ещё две недели назад говорил о том, что меня не допускают к сессии – из-за просрочки! А утром залезаю в комод – лежат. Резиночкой перевязаны, на бумажке сумма указана. Я даже и не сомневался!

– Да, Егор. На институт… – с трудом ответила мать и медленно пошла в зал.

Отец, словно китайский болванчик закачал головой. Но всё никак не мог остановиться.

– Мам, пап, что случилось?

Егору никто не ответил.

Люда села перед телевизором, пытаясь услышать пламенную речь дона Педро. Но в голове были совсем другие мысли. Как же так – забыть об институте! Вот тебе и корова с бревном…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.